
Александр ПЕТРУШКИН

* * *

Не знак, не Бог и не причина —
вставал с утра и видел: камень
был вплавлен в небо белой призмой,
плывут в спасение кругами

деревья, впадшие в окружность,
как в ересь, в юность или в бревна —
и Плотник их берет снаружи
и тын выстраивает ровный,

где снег бредет, так будто время,
расставленное между нами,
как будто сбрасываешь бремя,
проросшее сквозь смерть словами,

проросшее и страх, и храмы,
и клубни ангелов на пашне,
где облака велосипедов
сверкают водяной поклажей,

где в свиток развернулся камень,
как знак и Бог или причина,
вставая утром слишком ранним,
пролившись улеем пчелиным.

* * *

Елене Зейферт

Где древа дирижабль преодолеет смерть
и почву, как прилог, и белое молчанье,
чьи соты и поклеп перегибают сеть
воды, из рыжих ос ворующей дыханье,

Александр Петрушкин родился в 1972 году в Озерске. Публиковался в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «Крещатик», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Нева», «Дети Ра», «Футурум-Арт», «Зинзивер», «Воздух», «Волга — 21 век», «Знамя», «Text only», «Топос», «Полутона», «Новые облака», «Новая реальность», «Альтернатива», «Ликбез», в «Антологии современной уральской поэзии: 1997–2003». Автор восьми сборников стихотворений. Куратор проектов культурной программы «Антология». Координатор евразийского журнального портала «МЕГАЛИТ». Живет в г. Кыштыме Челябинской области.

у дерева внутри, там, где зиянье птиц
спиральный лабиринт распустит в листопада
ракушку, что бежит в глаголице корней,
как побережье и/или причина сада.

Неосторожный сад в ее волне растет
и омуты, как нить, в свои вдевает жабры,
где кровь, как сом, в сетчатке у ангела плывет
и ищет, словно звука, обернутой им жажды.

* * *

Вниз головой растут деревья,
неотличимые в деталях,
в порыве или двух от ветра,
где холода себя зеркалают —

в стволы их прорастает почва,
как влага, листья, мгла и стая —
корою птиц, стрекоз
улова сустав увечный разгибая

по-человечьи так, как голос
себя разматывает в эхе,
в окрестность синюю, как полоз
саней в экранном черном снеге,

где баржи ос [пока что мертвых]
скрипят в окраинах недлинных,
клубком зияющим мерца
внутри у белых комьев глины,

где сны выходят, как деревья
в ушанке грачьею, на охоту —
палят душой подземной в небо,
вращая в звуки, как в пехоту.

* * *

Где мнимый соловей летел,
как дымный мим среди петель
дверных и точных мертвецов,
всходящих из его вдовцов,

на ловчий и прибрежный свет,
что в зренья муравья продет
и вписан в божий этот март,
в собранье темное петард,

что разгибают кислород
на дерево и рыбу, мед
замедленный внутри у них
ключами медными бренчит,

и выпускает птицу вверх
из соловьиных дыр, прорех
глазных, и плачет на весу
в силках, похожих на росу.

* * *

Сиротствует ли тело
иль смерть удалена,
изъята из предела,
побуквенно сдана

в багаж, в пейзаж, в природу,
в трамваи, что на бок
ее слетались, плача,
в грачах минуя срок,

воронку покидая
в их малых небесах,
где ожиданье рая
длинней, чем полый страх,

где ангел твой закручен
в июля механизм,
как эллипс в голый воздух
из взгляда и ресниц,

и где жужжит в притоках
бессмертная душа
и трогает урода,
которым хороша.

СМОТРИТЕЛЬ

В начале оленя, как омут, стоит
смотрящий путей и горит изнутри —

как ящерка в камне, как осень в шмеле,
как волчий язык и ожог в Шамиле.

В начале у ямы — терновник и хруст,
и шарик воздушный хлопком своим густ,

и тычется в тело воды густера,
и ива стучится [пора — не пора?],

и хнычет в ней детка, как омут, олень —
и лопасти мрака сияют сквозь тлен,

колени тоннелей подводных его
и лопасти света, который свело,

как ноги оленя, что ямой дрожит
в спиральных водах — сквозь раздвоенный шрифт.